

Ксения Базанова

Капля и Ёрш

18+

Ксения Базанова

Капля и Ёрш

«Автор»

2026

Базанова К.

Капля и Ёрш / К. Базанова — «Автор», 2026

В начале 80-х история СССР пошла по альтернативному сценарию. Хотя Союз и не думает разваливаться, перестройка и "лихие 90-е" лихорадят его и в частности крошечный город Свечников, который постоянно делят между собой криминальные группировки, чиновники, милиция и коммерсанты. Интеллигентная дочка писателя Варвара и своенравная племянница капитана милиции Рита случайно оказываются втянуты в этот водоворот событий, который поможет им узнать цену дружбе и найти любовь, но вместе с городом неоднократно проверит их на прочность. Ведь покинуть Свечников не так просто, особенно если не ты, а он выбрал тебя...

© Базанова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Они	5
***	8
Глава 2	12
Свои	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ксения Базанова

Капля и Ёрш

Глава 1

Они

То, что они выжили, было не иначе как чудом.

Спасло их не собственное благоразумие (у большинства им даже и не пахло) и даже не плавное течение грамотных экономических реформ нового генсека. В конечном итоге всё решили микроскопические размеры родного городка.

Здесь попросту больше нечего было делить...

В восемьдесят втором году Союз трянуло – аккуратно, но сильно: умер Брежнев, на его место не взошёл – избежал не справивший пятидесятилетие (молоденький какой!) сотрудник МИДа, вежливо, но твёрдо подвинувший претендовавших на главный пост прочих убелённых сединами кандидатов. Перво-наперво новоиспечённый генсек решительно сдул пыль с письма маршала Ахромеева сотоварищи, убрал в отставку даже не успевших что-то возразить коллег – и твёрдо подмахнул указ о выводе советского контингента войск из Афганистана, а сам молниеносно выступил по всесоюзному телевидению. Население, разинув рты, в течение полутора часов внимало новоиспечённому, непривычно молодому главе государства, вещавшему что-то о том, что военные базы и лагеря для охраны афганских городов сохраняют, и что-то о стратегических объектах... Главное, что все поняли – мужья, отцы, сыновья, братья и друзья возвращаются домой...

Генсек закончил выступление поздравлением военного контингента с рядом проведённых накануне весьма успешных операций, чем и было, собственно, обусловлено решение о выводе войск, заверением в дальнейшей поддержке дружественного государства. Но в военных действиях СССР больше участвовать, мол, не будет.

Полтора месяца спустя в городе Свечникове произошло одновременно два значимых события: наступил новый 1983 год и в город вернулся теперь уже ветеран Афгана Роман Ставров.

Надо сказать, что до отбытия на войну, Роман Аркадьевич, или попросту Ставр, вёл непростую и по-своему интересную жизнь. Родился он на окраине Свечникова в крошечной коммуналке, где обитал вдвоём с матерью, бывшей балериной, в своё время давшей пинка под зад последнему мужу, алкоголику и тунеядцу. Тунеядец моментально и благодарно отбыл в неизвестном направлении, а маленький Рома получил фамилию матери. Учился он скверно, но зато рос здоровеньким, что мать радовало куда больше, чем радовала бы четвёрка по математике. После восьмого класса красавец, хулиган и спортсмен Ромка перекочевал из облегчённо вздохнувшей школы в настороженно напрягшееся ПТУ, где несколько лет с переменным успехом осваивал автомеханику, по окончании училища отбыл в армию, да не куда-нибудь, а в ВДВ. Вернувшись со службы, Роман обнаружил две вещи: во-первых, весёлая разбитная Ленка его не дождалась, спуталась с каким-то тощим двухметровым типом, пользовавшимся кое-каким авторитетом в общей компании. С досады Рома, почувствовав себя героем идиотского фильма, от души прописал тощему кулаком в ухо, напрочь отбив и авторитет, и охоту вербовать чужие кадры. Ромины кореша дембеля горячо поддержали – тут-то и открылась вторая вещь.

Горстка шпаны под управлением полу-отбитого типа Лёхи с прямо-таки inferнальным погонялом Лютый (на самом деле образованном от милейшей фамилии Лютиков, которую

Лёха ненавидел) за пару лет Роминого отсутствия разрослась до размеров хорошей банды. Ставр помнил их, кошмарившими местные ларьки, собирающими дань с барыг. Теперь же группировка отрастила зубы. Дембелю, который ранее якшался с доброй половиной банды, гордо продемонстрировали отжатую бог весть у какого терпилы убитую автомастерскую и груды металлолома в ней.

– Дела тут обкашливаем, – радовался Лютый. – И не только! Зацени! – Он довольно ткнул в потерявшую всякий вид груды металлолома. – Пацаны тачки угоняют в области, а мы тут пересобираем и толкаем, когда на запчасти, когда так... Ну и рэкет, конечно. Бедолаги платят, боятся, что Академику их «продадим», а его ребята ещё круче... Недавно одного заартачившегося в болоте выловили, чуть ли не с паяльником в ж... Но ничего, у нас с ними, типа, этот... нейтралитет! Они наши ларьки с палатками не трогают, мы их...

– Чё за Академик? – Роман с трудом вклинился в речь вещавшего взхлёб Лёхи. Лютый скривился.

– Да есть тут один хрен... Недавно нарисовался... Точнее, братва его нарисовалась... Вроде он с области... Никто его не видел, а «быки» его приезжают, когда раз в месяц, когда чаще, когда реже... Говорят, тип тот ещё... Отморозок полный, поэтому его все боятся.

– И ты? – Ставр иронично приподнял бровь.

– И я, – неожиданно серьёзно подтвердил помрачневший Лютый. – Главное, на их территорию не лезть. Но это больше в области, да несколько точек на рынке... На рынке был? О, брат! – Лёха моментально позабыл о жутком Академике, глаза его снова загорелись. – Под рынок всю промзону почистили! Огромный стал! Гигантский! И два ряда – наши! И тряпьё, и овощи-фрукты всякие... А ларёк у станции помнишь?

Ставр помнил.

– Тоже наш! Хозяин лох, раз в неделю приходим – отстёгивает! Пацаны упакованы, бригада – уже человек тридцать. Расширяться надо... Давай с нами? Ты ж в тачках сечёшь? Нам толковые парни нужны, чтоб не только барыг шугать.

Роман поскрёб в затылке. По ходу рассказа Лютого у него в голове уже появились несколько идей – Ставр заметил, как топорно и неумело был разобран металлолом, бывший когда-то синей «пятёркой». Идея «крышевать» ларьки и торгашей на рынке ему тоже понравилась – в прежние времена без хорошей «крыши» продавец рисковал лишиться всего товара из-за обезбашенной шпаны или другой неприятности. Перспектива же идти работать в занюханную автомастерскую Ставра вообще не прельщала, он чувал в себе необыкновенную силу, впереди была вся жизнь и множество шансов – только не тупи. И Рома не стал тупить.

«Бизнес», как называл это Лютый, пошёл с появлением Ромы ещё бойчее. Главари любили брать фактурного нового бойца (а своих отморозков он величал не иначе как бойцами) на рынок. При виде здорового двухметрового Ставра, упакованного в новый спортивный костюм, поигрывающего презентованным Лютым кастетом, у торгашей подгибались ноги, и процент с выручки моментально находился даже у самых несговорчивых и хитросделанных. «Автомастерскую» Роман тоже «причесал» под себя, научил кое-каким премудростям пацанов, угонявших и разбиравших тачки. Регулярно ездил с костяком банды на всяческие разборки, преимущественно – в местный лес. Успехи Лютого многим не давал покоя, особо борзые старались сколотить свои группировки, наехать на торгашей, поделить сферы влияния. Получалось не у всех. Точнее, ни у кого не получалось. Лютый держался за власть мёртвой хваткой, частенько оправдывая своё прозвище. Когда Лёха – лично или руками «быков» – несколько раз особо зарвавшимся, уверовавшим в собственное бессмертие конкурентам доказывал обратное, Ставр только морщился. Лично не участвовал, хотя ему, как и многим, Лютым подогнал неплохой ствол, с которым Роман почти не расставался. Иногда приходилось этот ствол расчехлять – на рынке, на улицах города, в лесу, один раз – в ресторане. В перестрелках Ставр был хорош, по жизни – везуч, за несколько лет отделался лёгким сквозным и десятком

царапин. Время было беспокойное, веял ветер скорых перемен, которые всё никак не начинались, и если в крупных городах всё ещё было под контролем, то в крохотных, типа Свечникова, резво поднимала нос почти махновская анархия. Со стороны казалось, что первый секретарь горкома, он же председатель местного горисполкома товарищ Лосев либо непробиваемо глуп и не замечает, что творится в его городе, либо слаб и беспомощен и попросту боится разросшейся до неприличия группировки.

На самом деле всё было куда сложнее.

То, что они выжили, было не иначе как чудом.

***

По возвращении из Афгана Ставр как следует огляделся, и увиденное ему не понравилось.

Изрядно оборзевший ещё перед войной Лютый довёл-таки свою банду до ручки. Дела в конце семидесятых шли чересчур хорошо. Машин угонялось много, рынок сбыта работал, как часы, местные почитали за честь прибиться к группировке, наглые пришлые регулярно пытались сбить спесь с Лютикова и его бригады. За три года завалили с десятков пацанов, почти полбанды успело отсидеть. Ставр, отмотавший год и десять месяцев, отшучивался, что шрамы украшают мужчину, а он в банде, значит, самый красивый. А кроме того – по личным Роминым ощущениям – самый умный. Ставров не раз пытался достучаться, доораться до Лютого, вразумить горе-главаря, что дела надо делать по-умному, а не борзеть и не размахивать стволом надо – не надо... Роман и сам был, что называется, без царя в голове, как утверждала мать, или отбитый, как уважительно в один голос говорили кореша, однако даже он понимал – помирать не охота, снова в тюрьму – тоже, значит...

Лютый чувствовал себя непобедимым и даже бессмертным. Пришлых «шавок», как он величал иногородних «коллег», он сотоварищи отстреливал, порой даже не пытаясь договориться, наживал новых врагов, подставлял под пули своих же людей – и бесконечно бесил ментов. Упрятать Лютого за решётку удалось лишь единожды – отличился подполковник Ерёмин, цепкий и дотошный глава свечниковского отделения – и то ненадолго. Лёха ликовал, задира л нос, но... Сколько верёвочке не виться, а конец один. Пришёл он и Лютому с бандой. Демобилизовавшийся Ставров первым делом узнал новость о ликвидации банды.

– Живые есть?

– Есть. Сидят, – коротко отвечал чудом уцелевший хозяин конторы, в которую припёрся слегка потерянный Ставр.

В конторе Роме было неуютно, как всегда, но куда ещё пойти, он не знал.

– Выпить есть?

На столе материализовалась непочатая бутылка армянского коньяка и один пузатый бокал.

– А ты?

– А я на работе, – веско сообщил Кирилл.

– Зануда...

Коньяк был хорош – других Станич не держал.

– Ерёмин брал? – невпопад спросил Ставр, но Киро его понял.

– И Ткачёв. Старлей. Точнее, уже капитан.

– Иди ты! Ткача брательник?.. Вот же с-с-сука... Чё, и Ткача замёл?

– Да.

Ставр в сердцах плюнул и налил ещё бокал.

Впрочем, вскоре выяснилось, что не всё было настолько мрачно. Все ушедшие на войну «коллеги» Ставра вернулись относительно невредимые и через несколько дней собрались в приснопамятной автомастерской.

– Чё, надо дело заново сколачивать, – резонно предложил молодой, но угрюмый и мордатый Тимоха. – Ставр! Ты ж Лютому всё мозги пытался вправить, впаривал там, как дела вести надо, чтоб не погореть, а он тебя не послушал. Рули ты давай теперь!

Тимоху поддержал одобрителный гул. Роман разинул рот, собравшись возразить, потом закрыл, поскрёб в затылке – и принял «наследство» Лютого.

– При мне по-другому будет, – предупредил он. И действительно, стало по-другому.

На рожон Ставр не лез, перво-наперво крепко закрутил гайки, чтобы упрочить положение. «Лучше меньше, да лучше» – втолковывал ему Киро, к мнению которого Рома предпочитал прислушиваться.

С Кириллом Станичем Роман познакомился ещё до Афгана. В один прекрасный день Лютый явился в мастерскую непривычно довольный и даже ажиотированный. Это было вдвойне странно, потому что последние пару недель его активно прессовали с разных сторон менты, конкуренты, а также нарисовался ряд проблем бумажного, так сказать, характера.

– Я такого главбуха нашёл – охренеть! – бурно радовался Лютый во всеуслышание.

– Я не главбух, я экономист, – недовольно проскрипел появившийся вместе с главарём высокий тощий носатый пацан, упакованный в деловой костюм, резко контрастировавший с антуражем мастерской и всеми её обитателями.

– Один хрен! – счастливо рявкнул Лютый, хлопнув мальчишку по плечу, отчего экономист дрогнул и заметно накренился под тревожным взглядом Ромы. – Ща всё порешаем!

И Кирилл, как, оказалось, прозывался пацан в костюме, действительно всё порешал, да так лихо и нагло, словно не окончил четвёртый курс Дубовского инженерно-статистического института, а лет пятнадцать промышлял разнообразными махинациями по всему Союзу... Казалось, где Осип Шор учился, там Киро Станич преподавал.

Пацан в костюме почти моментально вызвал у Ставра сильное уважение и не менее сильную симпатию. Лютый регулярно привлекал Кирилла к решению поднакопившихся проблем банды, поэтому встречались Роман со Станичем довольно часто. Очень скоро выяснились интересные подробности из жизни ушлого экономиста.

Гибкий ум и талант к экономике и бухгалтерскому делу был у него наследственным. Вообще родословная Кирилла представляла любопытное хитросплетение историй и судеб. Его бабушка-армянка, красавица Арцвик, когда-то по распределению оказалась в Могилёве, где вскоре вопреки многочисленной родне выскочила замуж за местного паренька Василя. Их дочь, названная в честь матери Арцвик Джульеттой, уехала учиться в Ленинград, где познакомилась с молодым и предприимчивым Стефаном Станичем, этническим югославом, ленинградцем во втором поколении. Когда бедную Джульетту распределили в крохотный Свечников, Стефан не задумываясь рванул за возлюбленной. Здесь предприимчивая пара путём невероятных усилий ухитрилась основать частную контору, заняв парадоксально пустовавшую в городе нишу.

Станичи зарабатывали на смерти.

Единственное кладбище в округе располагалось аж рядом с соседним Светлореченском, было большим, неухоженным и неудобно расположенным. Стефан несколько месяцев «раскачивал» администрацию Свечникова на предмет того, что области необходимо новое кладбище, но тщетно. До первого секретаря горкома Лосева было очень сложно достучаться.

Денис Тимофеевич Лосев ухитрился совмещать несовместимое всю жизнь. «Правильное» пролетарское происхождение – и четырёхкомнатную квартиру в Ленинграде, набитую всякой всячиной вплоть до антиквариата (поговаривали, дорогое барахло за бесценок скупала во время блокады ещё тётя маленького Дениски, воспитывавшая рано осиротевшего мальчика). Учёбу в престижнейшем университете – и кутежи по злачным местам в компании максимально неблагонадёжных и даже иностранных граждан. Распределение городок размером с фигу в сотнях километров от Ленинграда – и прибранная за несколько лет к рукам почти абсолютная власть в этом городке.

Лосев был солидарен с Цезарем – лучше быть первым в деревне, то есть в Свечникове, чем чёрт-те кем в Ленинграде или Москве. На сам город ему было плевать.

Плевать ему было не только на живых, но и на мёртвых, которых приходилось возить хоронить под Светлоречинск, а то и вовсе в соседнюю область. Однако Станич тоже был не лыком шит, и, как только будущий генсек сотоварищи ухитрился провалить наверх абсо-

лютно революционный закон о частном предпринимательстве, опередивший своё время на добрых десять-пятнадцать лет, Лосеву пришлось дать настырному югославу добро. Стефан моментально объединился с женой и тремя близкими друзьями и организовал кооператив. Так начался ставший вскоре легендарным похоронный бизнес Станичей.

В восемнадцать лет в жизни Киро произошло одновременно два знаковых события: он женился и вступил в кооператив отца. С того момента Стефан активно готовил не по годам талантливому сыну к тому, чтобы Кирилл однажды возглавил семейное дело. Сын не подвёл. Имея недюжинный талант к коммерции и экономике, чуя все веяния непростого времени, он очень быстро освоился в роли предпринимателя, а когда Стефан, измученный болезнью ног, отошёл от дел и вместе с женой отбыл на ПМЖ в деревню Благово, оставив кооператив на сына, Киро развернулся в полную силу. Раскинувшееся на северной оконечности городской черты, вплотную к огромному лесу, кладбище охраняли, облагораживали, словно бабка – любимый палисадник. Кирилл наладил сотрудничество с поставщиками дерева, мрамора, гранита, текстиля, цветов, мастерскими по изготовлению памятников и надгробий, гробов и крестов. Художники, столяры, садовники, а также грузчики, могильщики, продавцы и даже профессиональные плакальщицы – семейный бизнес разросся до размеров настоящей империи во главе с совсем молодым, вечно хмурым, бледным и уставшим хозяином, к тому времени уже разведённым, по слухам, водившимся с бандитами всех мастей. За глаза Кирилла называли упырём и вампиром, бабульки боязливо крестились и поплёвывали ему вслед в случае встречи, кое-кто утверждал, что хозяин кладбища каждое полнолуние в ночи обходит свои владения, чуть ли не разрывает свежие могилы и пьёт кровь новопреставленных, да и с женой своей он не развёлся, а загрыз за то, что узнала о Станиче то, что знать не следовало... На самом деле красивая, кичащаяся своим происхождением и воспитанием Лусине за пару лет настолько достала непробиваемого, казалось, Киро, что напрочь отбила у коммерсанта охоту в будущем создавать семью. Радуюсь, что не успел прижить со стервозной однокурсницей детей, он прогнал бывшую жену вслед за её очередным любовником – и с головой ушёл в бизнес. Но слухи всё-таки поползли. В глупые сказки мало кто верил, кроме детишек и экзальтированных старушек, однако Кирилл стал своего рода городской легендой, а завидеть на дороге белую «Волгу» с бледным длинноволосым водителем считалось у жителей Свечникова одной из худших примет.

Ставр в приметы и бабкины сказки не верил, зато верил Кириллу. За несколько лет плотного сотрудничества Станич доказал свою адекватность и то, что на него можно положиться. Постоянно ворча на Рому, Киро не мог скрыть того, что Ставр, шумный и безбашенный, вызывает у него не меньшую симпатию. Более непохожих людей представить себе было сложно, однако с годами их странная дружба только крепла.

Больше всего это и вправду напоминало некий преступный синдикат. Или кооператив. Или... Ставр был несилён в терминах. Он знал, что у него и его парней есть небольшая сеть автомастерских и что они в принципе могут позволить себе завязать с краденными тачками – Роману не хотелось быть бандитом, ему хотелось быть коммерсантом – новое, модное, «богатое» слово.

Ещё Ставр знал, что у него есть Киро – верный, молчаливый, брезговавший грязными делами со стрельбой и подобными гнусностями, но не гнушавшийся оказывать посильную «бумажную» помощь. Это почему-то не противоречило принципам Станича. Помощь оказывалась не всем и далеко не безвозмездно. Только Роману счёт за услуги ни разу не был предъявлен.

- Не боишься, что погоришь? – подтрунивал он иногда над Станичем. Тот хмурил брови.
- Никогда, – авторитетно и самонадеянно заявлял он. – Я профессионал!
- А если налоговая предъявит? – не унимался Ставр.
- Не предъявит. Я брал у знакомых в долг! Вот и всё.

Роман покатывался со смеху.

– И часто возвращал?

– У меня добрые знакомые, – Кирилл усмехался. – Они не требуют расписки и часто прощают долги. Тебе ли не знать.

Ставров знал. Знал он ещё, что на Костю Анциферова тоже можно положиться, несмотря на то что раньше, при Лютом, крепкой дружбы с зятем последнего не водил.

Глава 2

Свои

Со спекулянтами Костик связался ещё в девятом классе и отнюдь не от хорошей жизни. Его отец скончался, оставив Костю с его матерью влачить бедное существование в комнате в коммуналке. Сперва мальчик был на побегушках у старших ребят, всерьёз промышлявших импортными товарами, потом быстро вышел в настоящие фарцовщики. Так же шустро заработал кое-какой авторитет, был осторожен, пара приводов в милицию не в счёт. Не зарывался, не шикавал, одевался хорошо, но неброско. Вся школа знала – Анциферов достанет всё, что только пожелаешь, к тому же за сравнительно небольшие деньги. Аля Лютикова не устояла. Замуж она выходила, едва окончив десятый класс и уже беременной. Поступивший на заочное отделение геологического вуза Костя не успел опомниться, как стал отцом близнецов, Лёши и Ангелины. Связи крепко помогли ему, семья особо ни в чём не нуждалась, однако Алевтина всё равно была недовольна, пилила мужа, не интересовалась детьми и в один прекрасный день попросту сбежала из дома, оставив Косте заявление на развод. Анциферов, похоронивший к тому времени мать, заручился поддержкой верного друга Толи Чусова, КМС по боксу, выполнявшего со школы роль личного телохранителя фарцовщика Кости, и его брата Миши, и отправился в Ленинград. Константин стремился дать детям всё самое лучшее, но, видно, не рассчитал силы. В большом городе всё оказалось сложнее и опаснее. Костя едва не сел в тюрьму, связавшись с теми, с кем не следовало. Костю едва не пристрелили – по той же причине. Наконец, посоветовавшись с Толяном, заматеревший, но так и не ставший своим в большом мире столичного (культурно-столичного?) криминала, взял в охапку детей-подростков и вернулся обратно в Свечников. К слову, от наследников Костя никогда не скрывал, чем занимается, не врал, что мать звонит, чтобы поздравить их с праздниками, а папа – честный советский гражданин. Геля и Лёша росли в полукриминальной атмосфере, с детства впитывали законы мира отца и дяди, никогда не воспринимали подобное положение дел как нечто из рук вон выходящее и вообще рано повзрослели. Алексей, едва окончив школу, оказался приобщён к делам отца, которые вышли на совершенно новый уровень. Немало поспособствовал этому член горисполкома Глеб Веденеев.

До девятого класса Костя с Глебом не дружили. С Глебом вообще никто не дружил. Щуплый, вечно задирающий нос отличник, сын второго секретаря горкома, обеспеченный и золотушный ребёнок до поры до времени кичился своим особым положением. Но если на особенное отношение хотя бы некоторых учителей он рассчитывать мог, то одноклассники, да и остальные ребята Глеба либо не замечали, либо на дух не переносили. Даже девчонки, подобные Але Лютиковой, предпочитали водиться с парнями постарше, в спортивных костюмах и кожаных куртках, на раздолбанных машинах, с кастетами или чем другим, поопаснее, в карманах. А вовсе не с занудным и скучным папенькиным сыном, будь он хоть трижды сын кого-то там из горкома.

К Косте Глеб подвалил как-то сам. После уроков, неподалёку от школы.

– Анциферов, – процедил он, старательно напуская на себя независимый вид, но опасно косясь на маячившего за спиной Кости спортсмена Толи, уже учившегося в Светлореченске в институте физкультуры. – Дело есть.

Дело оказалось простое, как табуретка. Мажористого мальчика прессовали местные хулиганы. Отбирали деньги, несколько раз дали леща и, как видно, не боялись авторитета папы из горкома, здраво рассудив, что тот не станет тратить время на какую-то шпану. Здесь они нечаянно угадали: второго секретаря страшно раздражало неумение наследника постоять за себя. Потому предприимчивый Глеб решил проблему, как умел.

– Ты меня типа крышуешь, – слегка растягивая слова, растолковывал он, бегая глазами, – а я тебе плачу... Так многие большие люди делают! Нанимают охрану...

– Сколько дашь, «большой человек»? – еле сдерживая хохот, осведомился Костя, подмигивая тоже едва не ржущему Толе.

Сошлись на пяти рублях в неделю.

Веденеев едва не лопался от гордости, само собой, раструбив по всей школе, что у него появилась личная «крыша». К удивлению пытавшихся поддеть Костю, Анциферова бахвальство Глеба ничуть не задевало.

– После школы ЧОП открою, – пояснял он. – Надо на ком-то тренироваться.

На самом деле поначалу «большой человек» Глебика дико Костю раздражал. Но по прошествии некоторого времени выяснилось, что Веденеев не такой уж и противный тип. Умный, предприимчивый, весёлый – когда не корчит из себя важную птицу, просто затюканный родственниками, с пелёнок вбивавшими Глебу в голову идею о его особом положении. Иногда Веденеев, которого Костя с Толей активно отбивали у оборзевшей гопоты, даже приглашал свою «крышу» к себе домой – естественно, в отсутствие родителей. Угощал дорогим спиртным и редкими деликатесами, расслаблялся и показывал себя настоящего.

Настоящий Глеб Косте даже нравился: забавный, непосредственный, хитрый, но всегда держащий слово.

По возвращении из Ленинграда Костя немного растерялся. По-хорошему, у него было не так много вариантов: либо искать работу, при том, что ничего делать, кроме как заниматься околोकриминалом, он не умел, либо примыкать к существующей ещё банде Лютого – бывшего шурина и продолжать в том же духе. Оба варианта Косте ох как не нравились. Кое-какие связи у Анциферова ещё остались, поэтому он с детьми и братьями Чусовыми не бедствовал. Однако город оказался уже фактически поделён Лютым и таинственным Академиком, и найти в нём своё место без ущерба для жизни и здоровья было проблематично. Без всякой задней мысли Костя пожаловался на это товарищу Веденееву, тянувшему ляжку в горисполкоме.

Глеб за десять лет, что они не виделись, вытянулся, нарядился в костюм, но по-прежнему важничал, задирает нос и суетился.

– Завод надо? – без обиняков спросил он, хлопнув рюмку коньяка и ослабив узел галстука на тощей шее.

Костя моментально сделал стойку.

– Завод? – переспросил он. – Какой завод?

Веденеев прихрюкнул и подлил обоим ещё коньяка.

– Есть у нас тут завод один, – пояснил он, откидываясь на спинку кресла. – Общегородской геморрой! Стоит за лесом, где кладбище... Ну понял, да?

Костя утвердительно кивнул.

– Раньше был завод государственный и клепали на нём, дай бог памяти, какую-то столлярную хрень... Парты, столы, стулья, ложки-плошки... Такое, короче. В семидесятых он захирел, потом вообще встал, и на него благополучно забили. Рабочих там не так много было, кто захотел – перекинули под Дубовское – там точно такой же завод, только больше, приличнее, и вообще... Общагу отгрохали, всё чин по чину... Этот собирались под что-то другое переоборудовать, то ли только под мебель, то ли под крынки-чашки, не знаю... Только сначала некогда было, потом со зданиями административными чехарда началась, потом война – вообще не до завода стало. А тут под шумок его какой-то ушлый хрен взял да и... купил! А Лосев со своей шайкой возьми да и продай! – Глеб предусмотрительно понизил голос, несмотря на то что сидели приятели в доме Веденеева в посёлке Тополево, который де-факто был пятым районом Свечникова, но де-юре присоединён к городу официально не был.

– Хрен знает, что с этим заводом делать собирались, – продолжил Глеб. – Он уже рушиться начал. Чинить взялись, потом перепродали пару раз... Короче, голыми руками брать можно. Лосев и другие не пикнут. Могу подсобить. Так надо завод?

Костя крепко задумался. С одной стороны, завод как таковой был не нужен ему сто лет. С другой – глупо отказываться от того, что можно заполучить с такой лёгкостью. Как распорядиться – это уже дело десятое... Костя согласился на завод и не пожалел.

Формально завод всё-таки кому-то принадлежал. Эта проблема решилась одним разговором Глеба с фактическим владельцем. Изрядно припугнув бедолагу статьёй о расхищении социалистической собственности, ушлый Веденеев, покрикивая, предложил вернуть много-страдальной заброшке статус муниципальной собственности, конечно, не за так. Безмерно счастливому владельцу было настоятельно рекомендовано покинуть город, что он и сделал.

– Повезло, стоворчивый оказался, – отметил Костя, получая подписанные бумаги. – А если б заартачился?

– Чего ты нудишь? – морщился Глеб. – Заартачился бы – тогда и подумали бы! Бери, владей, ремонтируй и прекрати, ради бога, сопли на кулак наматывать!

Анциферов только хмыкнул. Хилый истеричный папенькин сынок определённо вырос и вошёл во вкус того, что он представлял жизнью «большого человека».

Костя тряхнул всеми своими старыми связями, собрал людей и в довольно короткий срок привёл помещение в порядок. Планы у Анциферова были далеко идущие. Потратив всё, что было можно на новый товар от прежних поставщиков, он сбыл почти всю партию, приспособив бывший завод под склад. После повторил. Потом произошёл разгром банды Лютого. Город вздохнул свободнее, но сферы влияния никто не отменял, и Костя, захватив братьев Чусовых и зачем-то – Лёшу, отправился знакомиться с преемником шурина.

Преемник оказался здоровенным шкафоподобным детиной, одним своим видом внушающим уважение. Совершенно неожиданно Костя узнал, что угодил в систему.

– Сколько палаток на рынке крышуешь? – пробасил здоровяк – косая сажень в плечах, представившийся Ставром, а точнее Романом Аркадьевичем.

Костя вопроса не понял. Его товар продавали в том числе на местном гигантском рынке, занимавшем добрую половину южного, Панфиловского района.

– Ну и дурак, – резюмировал Ставр. – Мы крышуем. Антоха, карту покажь!

Перед Костей очутилась кое-как напечатанная карта рынка.

– Зырь! – велел Роман Аркадьевич. – Три северные линии, ближайшие к городу – это наши, сюда не лезь. Вот этот шмат – упаси тебя бог сюда соваться! Это Академика точки. Тут никто не ходит, раз в месяц если нагрянут – хорошо, но сунешься – по кускам в лесу искать будем. Усёк? Ты где барыжишь? Тут и тут? Слыш, Дрон, чьё это?

– Хрен знает, – лениво откликнулся тощий мужик в спортивном костюме. – Ничьё пока...

– Лады, твоё значит, Костян. Чешем дальше! Правее обычно Крюка гопота ошиивается. Лютый их послал в своё время, так они сами по себе бегают с тех пор... Отбитые, тоже трогать лучше пока не надо, чтоб не воняло... Поглядим, либо самоликвидируются (на этом слове люди Ставра хором, как по команде, заржали), либо поглядим, как с ними... того...

– Скооперироваться? – подсказал Костя. Ставров посмотрел на него с уважением.

– Да ты стратег, – не то похвалил, не то укорил он. – Чего делать с братвой своей планируешь?

Анциферов планировал открыть ЧОП. И открыл, как раз в здании многострадального завода. Впрочем, торговлю он тоже не оставил, больно затянуло его это дело. Помимо толкания дефицитной «фарцы» Костя нанял нескольких «челноков», выделил им места на рынке, взял под свою «крышу», как советовал Ставр, ещё пару линий на рынке... Однако, делёжка рынка на этом не закончилась.

Шайка Крюка, то бишь, Фёдора Крюкова, и впрямь самоликвидировалась, но не до конца. Перед самым разгромом Лютого и его банды недавно откинувшийся Ткач – Серёга Ткачёв – уговаривал главаря принять пацанов к себе. Лютый упирался – неохота была связываться с малолетками-ПТУшниками, на которых и положиться было нельзя. Интерес Ткача был объяс-

ним – под Крюком ходил его сосед, Никита. Пацану до жути хотелось примкнуть к «взрослым дядям», и Сергей пытался поспособствовать. Мало кто знал, но Никитоса Ткач пестовал чуть ли ни с детства. Никитка и его сестра Аня рано остались без отца – слесарь Иван Поляков, горе всего ЖЭКа, допился до чертей, а после – и до смерти. Его жена колесила проводницей по всему Союзу и дома бывала редко.

...– Малой, чё сидишь?

На Никитку Ткачѳв-младший наткнулся в подъезде. Мальчишка сидел на замызганном подоконнике и с остервенением втыкал в него перочинный ножичек. Судя по огромному количеству зазубрин и отверстий, сидел он так уже давно.

– А ну покажь, – Ткач осторожно повернул лицо Никиты к себе за подбородок и внимательно осмотрел налившийся под левым глазом тѳмно-фиолетовый с жѳлтой окаѳмкой фингал.

– Кто втащил?

Никитос насупился и вывернулся из руки Ткачѳва. Тот посопел.

– Сеструха где?

– На продлѳнке... В шесть схожу забѳру...

– Жрал сегодня?

Пыхтение.

– Я тоже. Погнали, у меня суп стоит...

...Именно Ткач научил Никиту драться так, чтобы поменьше огрѳбать, посоветовал носить с собой на разборки какой-нибудь дрын и подогнал через Лютого раздолбанную, но «чистую» «семѳрку», когда тот справил себе паспорт и права.

Дружба с членом банды Лютого пошла на пользу авторитету Никиты. Именно поэтому, когда Крюк с половиной банды загремел – по глупости, за обнесѳнный ларѳк и едва не убитого охранника, Никиту выбрали главным. Впрочем, о том, чтобы присоединиться к людям теперь уже Ставра, речи не могло идти – тот вывел свою бригаду на совершенно новый уровень, это был настоящий бизнес. Компания же Никитоса осталась обычной шпаной, способной лишь на «крышевание» палаток на рынке. Впрочем, этим делом они занимались весьма активно. Юный главарь, набравший новых людей, внезапно оказался едва ли не самым старшим в банде – он уже отметил двадцатилетие и окончил ПТУ. На службу он не поступал, отмахиваясь, мол, статью за тунеядство и так скоро отменят, и очень гордился тем, что его «коллектив» принимает участие в делѳжке сфер влияния в городе.

О Никите Ставр не знал, что думать, до тех пор, пока залѳтная бригада не наехала на его людей и заодно на Костю. Посовещавшись, на «стрелку» захватили и гопоту Никитоса, о чѳм не пожалели. Пацан оказался своим в доску. Когда началась драка, переросшая в перестрелку, Никита и его пацаны не струсили, а встали плечом к плечу с людьми Ставра. Заваруха окончилась для «свечниковских» благополучно, без потерь. Малого признали и окончательно стали с ним считаться, как с равным.

До поры до времени их было четверо. Страна менялась, менялись и подходы к ведению дел у свечниковских воротил. Костя осуществил давнюю мечту и открыл ЧОП – в здании того самого завода. Точки на рынке потихоньку выкупались официально, «челноки» тащили товары и из столицы, и из-за бугра, дело было прибыльным, стычки благодаря грамотному распределению сфер влияния снизились до минимума. Конечно, львиная доля точек принадлежала Ставру. Кроме того, умный и осторожный Станич ещѳ в самом начале «большого передела» регулярно дудел Роману в уши: «Надо легализовываться». Ставр сначала отбрѳхивался («Тебе легко говорить, ты с самого начала вон, белый-пушистый, контора, кооператив, все дела!»), но потом, по мере расширения бизнеса начал всѳ-таки по совету того же Киро потихоньку вкладывать деньги, куда надо. Приобрѳл сперва ещѳ пару гаражей, потом ещѳ одну мастерскую, побольше, небольшой магазинчик в Центральном районе. Потом у вошедшего во вкус Ставровы появились несколько ларьков с пивом, шоколадками и всякой ерундой, затем ещѳ магазин

– побольше... Ставр втянулся и азартно скупал всё, что подворачивалось под его здоровенные ручки: бензоколонки, ларьки, магазинчики... В собственности Ставрова оказались даже пара парикмахерских, а апофеозом стал ресторан «Лаванда» близ набережной городского озера – в козырном месте, рядышком с телецентром. На телецентр Роман тоже заглядывался, подумывая в будущем разориться на скромный канал... Но это были пока только планы. Сейчас Роман был весьма доволен жизнью и собой. Мать, к тому времени переставшую морщить нос, приговаривая: «Мой сын бандит, какой пассаж!», он с почётом отселил в Благово, где отгрохал для неё дом мечты. Сам же торжественно въехал в двухэтажные хоромы в Тополеве. Жизнь, по мнению Ставра, удалась.

Костя тоже со временем сменил городскую халупу на дом – поскромнее, чем у Романа, тот вообще всей душой полюбил стиль «дорого-богато» – Анциферов выпячивать благосостояние не любил. Дочь Ангелина поступила в Дубовском – местном райцентре в тридцати километрах от Свечникова – на юриста, сын Лёша – на заочное в местный геолого-технический. Он всё равно собирался продолжать работать с отцом, но согласился с тем, что высшее образование нужно. Братья Чусовы были частыми гостями в доме Кости. Мишу он поставил главным в ЧОПе, Толян бодро перешёл в должность личного телохранителя и водителя. Ставров по этому поводу покатывался с хохоту, не упускал возможность подколоть Костю насчёт важности его тела и дразнил министром. Анциферов не реагировал – он привык к зубоскалу Ставрову, простому, как три рубля, но умеющему быть жёстким и серьёзным, когда надо, и даже проникся к Роману если не дружескими, то вполне приятельскими чувствами.

Относительно спокойное течение их полулегальной – пока что – жизни нарушилось, когда, как гром среди ясного неба, прогремел взрыв. Взрыв в квартире братьев Чусовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.